

Arthur Conan
DOYLE
1859 – 1930

Артур Конан
ДОЙЛ

Изгнанники

Повесть о двух частях света

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Перевод с английского Г. Злобина, В. Скороденко

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

© Г. Злобин (наследники), перевод, 2016
© В. Скороденко, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11336-7

Изгнанники

Повесть о двух частях света

*Моей жене Луизе Конан Дойл
посвящается эта повесть*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Когда б рассказчику сей стародавней истории захотелось указать все источники, какими он пользовался, это перегрузило бы книгу библиографией. Было бы, однако, вопиющей несправедливостью писать о французском королевском дворе конца семнадцатого столетия, не признав, сколь многим обязаны мы мисс Джулии Пардоу, и о том же периоде американской истории, не воздав должного Фрэнсису Паркмену.

Могу добавить, что я позволил себе кое-какие вольности в изложении исторических фактов, прежде всего — отнес события, которые происходили на протяжении трех лет или около того, к значительно более короткому промежутку времени.

А. Конан Дойл

Северный Норвуд, 14 марта 1892 г.

Часть первая СТАРЫЙ СВЕТ

ГЛАВА I ГОСТЬ ИЗ АМЕРИКИ

В Париже конца семнадцатого столетия такие окна были не в редкость. Высокое, со средниками и широким ригелем, над самым центром которого в ромбике рамки красовался герб на стекле: три красных «ежа» на серебряном поле. Снаружи из стены торчал крепкий чугунный прут, на котором висело позолоченное изображение тюка с шерстью; оно качалось и скрипело под порывами ветра. На противоположной стороне стояли дома — высокие, узкие, прямые, крест-накрест перерезанные по фасаду деревянными балками, увенчанные щетиной островерхих фронтонов и угловых башенок. А между двумя рядами домов лежала мощенная булыжником улица Святого Мартина и сновали бесчисленные пешеходы, стуча каблуками о камень.

Внутри под окном стояла широкая банкетка на гнутых ножках, обитая тисненой коричневой испанской кожей; расположившись на ней, домашние могли следить из-за штор за уличной суетой внизу. Двое, мужчина и женщина, сидели и сейчас у окна, только спиной к улице, лицом к просторной, богато обставленной комнате. Время от времени они украдкой поглядывали друг на друга, и их глаза говорили, что для счастья им большего и не нужно.

И неудивительно, ибо они являли собой красивую пару. Она была юной, не старше двадцати, с лицом хотя и бледным, но той сияющей белизной, от которой так веет прозрачной свежестью, чистотой и невинностью, что нельзя не признать — любой другой цвет разрушил бы хрупкое девичье очарование. У нее были тонкие приятные черты лица, а иссиня-черные волосы и длинные темные ресницы по контрасту пикантно оттеняли задумчивые серые глаза и кожу цвета слоновой кости. Всему ее облику были присущи скромность и мягкость, и это подчеркивали простое платье из темной тафты, брошка и браслет из черного янтаря, единственные ее украшения. Такова была Адель Катинат, единственная дочь гугенота, славного торговца сукном.

Скромность платья девушки искупал, однако, роскошный наряд ее собеседника. То был мужчина старше ее лет на десять, с суровым лицом воина, тонкими, четко вылепленными чертами, аккуратно подстриженными усами и темно-кариими глазами, взгляд которых был жестким, когда требовал подчинения от мужчины, или нежным, когда умолял женщину, но равно преуспевал и в том, и в другом. На нем был лазурного цвета плащ с серебряными галунами и широкими серебряными погонами. Из-под плаща выглядывали белый каламянковый жилет и короткие штаны из той же материи, заправленные в начищенные ботфорты с позолоченными шпорами на каблуках. Лежавшие на соседней скамье рапира с серебряным эфесом и шляпа с пером завершали форму, делавшую честь тому, кто ее носит, ибо любой француз признал бы в ней офицерскую форму знаменитой Голубой гвардии Людовика XIV. Курчавые черные волосы и гордо посаженная голова выдавали в мужчине образцового бравого воина. Таким он, впрочем, и проявил себя на поле боя, еще до того как имя Амори де Катината заблистало среди

тысяч доблестных имен не самых родовитых noblesse¹, подавшихся на королевскую службу.

Эта пара были двоюродные брат и сестра; их четко вылепленные черты обнаруживали достаточно сходства, чтобы признать в них родственников. Де Катинат родился в благородной гугенотской семье, но, оставшись в юности сиротой, пошел в армию и добился нынешнего высокого положения без всякой протекции и вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Однако младший брат его отца, отец Адели, обнаружил, что для него все пути к успеху закрыты из-за притеснений, каким уже начали подвергать его единоверцев. Он опустил предлог «де», это свидетельство родовитости своего имени, и занялся торговлей в Париже, причем весьма в ней преуспел и ныне был одним из самых богатых и видных горожан. Под кровом его дома сидел сейчас наш гвардеец, и белую ручку его единственной дочери держал он в своих руках.

— Скажите, Адель, — обратился он к ней, — почему у вас такой встревоженный вид?

— Меня ничто не тревожит, Амори.

— Не запирайтесь, а то как бы между излучинами этих бровей не появилась маленькая складочка. Вот видите, ваше сердце мне так же открыто, как пастуху — небо.

— Нет, Амори, все хорошо, только...

— Только что?

— Вы покидаете меня на нынешний вечер.

— Лишь для того, чтобы утром вернуться.

— А вам и вправду нужно уходить?

— За неявку я заплачу офицерским патентом. Поймите, до утра мне стоять на страже перед дверями королевской опочивальни! После королевской молитвы меня сменит майор де Бриссак, и тогда я буду свободен.

¹ Дворяне, дворянство (фр.).

— Ах, Амори, когда вы говорите о короле, и его дворе, и благородных дамах, я не устаю удивляться.

— Чему удивляться?

— Тому, что вы живете среди всего этого великолепия, а снисходите до жалкой комнатенки в купеческом доме.

— Да, но что я нахожу в этой комнате?

— А вот это всего удивительней. Подумать только, вы, проводящий время в обществе столь красивых и остроумных людей, сочли меня достойной своей любви, меня, тихую серую мышку, затерянную в этом огромном доме, робкую и стеснительную! Это ли не достойно удивления!

— У каждого мужчины свои предпочтения, — ответил двоюродный брат, поглаживая маленькую ручку. — Женщины что цветы. Кому-то нравится огромный сверкающий подсолнух, а кому-то — роза, она большая и яркая, поэтому всегда привлекает взор. А мне по душе малютка-фиалка, что хоронится во мхах, однако радуется глаз и на все кругом изливает благоухание. Но, любимая, почему не разгладилась на челе эта складка?

— Я хочу, чтобы отец поскорей вернулся.

— Но почему? Неужели вам так одиноко?

Ее бледное лицо озарила мгновенная улыбка.

— Одиноко мне будет только вечером. Но когда отца нет, у меня тяжело на сердце. Теперь только и слышишь, что о преследовании наших бедных братьев.

— Ерунда! Дядюшка им не поддастся.

— Он отправился к прево Гильдии торговцев мануфактурным товаром из-за уведомления о приеме на постой драгун.

— Об уведомлении вы мне не говорили.

— Вот оно.

Она встала и взяла со стола лист голубой бумаги, с которого свисала печать красного сургуча. Де Катинат проглядел его, хмурия густые черные брови.

«Настоящим, — гласила бумага, — вы, Теофиль Катинат, торговец сукном с улицы Святого Мартина, уведомляйтесь о том, что вам надлежит разместить под своей крышей и кормить вплоть до нового уведомления двадцать драгун из Лангедокского полка Синих драгун во главе с капитаном Дальбером. (Подписано) Де Бопре (королевский комиссар)».

Де Катинату было хорошо известно, что во Франции к такому способу притеснения гугенотов прибегают повсюду, однако он льстил себя надеждой, что его положение при дворе избавит родственника от подобного произвола. Он с гневным восклицанием бросил бумагу на стол.

— Когда они явятся?

— Отец сказал, нынче вечером.

— Ну, долго они тут не пробудут. Я завтра же добуюсь предписания об их переводе. Но солнце скрылось за церковью Святого Мартина, мне уже следовало быть в пути.

— Нет-нет, погодите еще чуть-чуть.

— Хотелось бы сперва дождаться вашего батюшки и поручить вас его заботам — мне боязно оставлять вас одну, когда могут нагрянуть драгуны. Однако, если я не успею в Версаль, никакие оправдания мне не помогут. Но посмотрите — у дверей остановился какой-то всадник в странной одежде. Может быть, он с вещами от вашего отца.

Девушка живо подбежала к окну и выглянула на улицу, опершись рукою на украшенное серебряными галунами плечо двоюродного брата.

— Ой, — воскликнула она, — я же забыла! Это гость из Америки. Отец говорил, что он сегодня придет.

— Гость из Америки! — удивленно повторил гвардеец; они оба высунулись из окна.

Всадник, крепкий широкоплечий молодой человек, гладко выбритый и коротко подстриженный, оборотился к дому, разглядывая окна первого этажа, и они увидели его лицо — удлиненное, загорелое, с мужественными чертами. На нем была серая шляпа с мягкими полями необычной, на взгляд парижанина, формы, хотя его темную одежду и ботфорты мог бы носить любой гражданин. Но в целом он являл собой зрелище столь примечательное, что вокруг него успела собраться группа зевак, глазевших с открытыми ртами на его коня и на него самого. Видавшее виды ружье с очень длинным стволом было приторочено за ложку к стремени, так что дуло смотрело в небо у него за спиной. По бокам висели большие черные седельные сумы, а сзади к седлу было приторочено скатанное ярко-красное клетчатое одеяло. Крепкий серый в яблоках конь с блестящими от пота спиной и боками и ссохшейся грязью на брюхе и ногах стоял, чуть согнув колени передних ног, словно у него уже не осталось сил. Однако всадник, убедившись, что не ошибся домом, легко спрыгнул на землю, отвязал ружье, одеяло и сумы, невозмутимо проложил себе дорогу сквозь толпу зевак и громко постучал в дверь.

— Так кто же он? — спросил де Катинат. — Канадец? Я и сам почитай что канадец. Друзей у меня поровну по обе стороны океана. Быть может, я его знаю. Белых лиц в тех краях не так уж много, и едва ли найдется хоть одно от реки Сагены до озера Ниписсинг, которое я за два года хотя бы раз не встречал.

— Нет, Амори, он из английских колоний, но говорит на нашем языке. Мать у него француженка.

— А как его зовут?

— Эймос. Эймос... Ох уж эти мне имена! Да, вспомнила — Грин. Эймос Грин. Наши отцы — давние партнеры в торговле, вот он и отправил к нам сына, который, насколько я знаю, с рождения жил в краю

лесов, — поглядеть людей и большие города. Господи! Что там случилось?

Снизу вдруг донеслись визги и вопли, крик мужчины и топот бегущих ног. В мгновение ока де Катинат был уже на середине лестницы и замер, пораженный тем, что творилось в прихожей.

По обе стороны стояли и что есть мочи вопили две горничные. А между ними топтался старый слуга Пьер, суровый кальвинист, ни разу в жизни не терявший достоинства; сейчас он кружился на месте, размахивая руками, и так орал, что его, верно, было слышно в самом Лувре. А на сером шерстяном чулке, скрывавшем его худосочную икру, повис пушистый волосатый черный шар, являвший взорам один маленький красный глаз да пару блестящих белых клыков, коими он вцепился в чулок. Услыхав крики, молодой чужестранец, вышедший было проведать коня, бросился в дом, оторвал повисшую тварь и, шлепнув ее пару раз по морде, засунул башкой вперед в кожаную суму, из которой она вылезла.

— Не волнуйтесь, — сказал он на отменном французском, — это всего-навсего медвежонок.

— О боже! — воскликнул Пьер, утирая со лба капельки пота. — Из-за него я потерял добрых пять лет жизни! Я был в дверях, кланялся молодому господину, тут эта тварь и набросилась на меня сзади.

— Это моя вина, нужно было потуже затянуть суму. Медвежонок родился в канун нашего отплытия из Нью-Йорка, в четверг тому будет шесть недель. Не с другом ли моего отца, господином Катинатом, я сейчас разговариваю?

— Нет, месье, — ответил гвардеец, все еще стоящий на лестнице. — Дяди сейчас нет, но я, капитан де Катинат, к вашим услугам, а вот мадемуазель Катинат, хозяйка дома.

Чужестранец поднялся по лестнице и приветствовал их с видом человека, который робок, как дикий олень, однако набрался духа довести начатое до конца. Он проследовал было в гостиную, но тут вдруг исчез, только шаги простучали по лестнице. Однако он сразу вернулся с красивой гладкой меховой шкурой в руках.

— Медвежонок — это для вашего батюшки, мадемуазель, — сказал он. — А эту шкурку я привез из Америки вам в подарок. Так, пустяк, может, сгодится на пару мокасин или сумочку.

Адель вскрикнула от удовольствия, погрузив руки в толщу нежного меха. Он заслуживал восхищения, ибо таких роскошных мехов не было ни у одного монарха на свете.

— Ой, какая красота! — воскликнула она. — Скажите, месье, что это за животное и откуда оно?

— Это чернобурая лисица. Я собственноручно убил ее прошлой осенью близ селения ирокезов на озере Онайда.

Девушка прижалась к меху щекой, и по контрасту с его черным отливом ее бледное лицо показалось изваянным из белого мрамора.

— Жаль, что батюшки нету дома, он бы оказал вам радушный прием, месье, — сказала она. — Но я от всего сердца сделаю это за него. Ваша комната — наверху. Если желаете, Пьер вас проводит.

— Моя комната? Для чего?

— То есть как, месье? Вы в ней будете спать.

— Разве я должен спать в комнате?

Де Катинат рассмеялся, видя, как вытянулось у американца лицо.

— Никто не собирается насильно заставлять вас в ней спать, — заметил он. Тот сразу просиял и подошел к окну, которое выходило во внутренний двор.

— Мадемуазель, — воскликнул он, — посмотрите — там береза; если я раскину под ней одеяло, какая комната может с этим сравниться? Зимой, конечно, другое дело, но летом потолок на меня давит, я задыхаюсь.

— Значит, вы не из города? — спросил де Катинат.

— Отец живет в Нью-Йорке, за два дома от Петера Стайвесента, про которого вы, верно, слышали. Отец человек закаленный, у него хватает на это сил, но я... несколько дней пробыть в Олбани или Скенектади для меня уже слишком. Я живу в лесах.

— Не сомневаюсь, что отец позволит вам спать где угодно и делать все, что заблагорассудится, лишь бы вам было хорошо.

— Спасибо, мадемуазель. В таком случае я перенесу вещи во двор и почищу коня.

— Нет-нет, этим займется Пьер.

— Я привык сам ходить за конем.

— Тогда я тоже выйду, — сказал де Катинат, — мне бы хотелось перемолвиться с вами парой слов. Итак, Адель, до завтра, прощайте!

— До завтра, Амори.

Молодые люди вместе спустились по лестнице, и гвардеец проследовал за американцем во внутренний двор.

— Вы долго ехали, — заметил де Катинат.

— Да, от самого Руана.

— Устали?

— Нет, я редко устаю.

— В таком случае побудьте с дамой, пока не вернется ее отец.

— Почему вы меня об этом просите?

— Потому что мне нужно идти, а ей может понадобиться защитник.

Чужестранец ничего не сказал, но согласно кивнул и, сбросив черный плащ, принялся усердно соскребать с коня дорожную грязь.

ГЛАВА II

МОНАРХ В ДЕЗАБИЛЬЕ

Де Катинат приступил к исполнению своих обязанностей. Настало утро следующего дня. На больших часах Версаля пробило восемь, приближалось время монарху вставать ото сна. В длинных коридорах и расписанных фресками галереях огромного дворца слышались тихие голоса и шелест шагов, шла приглушенная суeta приготовлений, ибо вставание короля было пышной государственной церемонией, в которой участвовало много народа. Слуга с дымящейся серебряной миской поспешал к господину де Сен-Кантену, королевскому брадобрею. Другие, с переброшенными через руку предметами туалета, устремлялись в переход, что вел в приемную перед опочивальней. Гвардейцы караула в ярких голубых плащах с серебром приосанились и взяли алебарды по стойке смирно, а наш молодой офицер, с легкой завистью наблюдавший из окна за придворными, что смеялись и болтали на террасах, резко повернулся на каблуках и подошел к белым с золотом дверям королевской опочивальни.

Не успел он вернуться на свой пост, как ручку осторожно повернули изнутри, дверь бесшумно приоткрылась на смазанных петлях, в возникшую щель проскользнул мужчина и закрыл за собой дверь.

— Ш-ш! — шепнул он, приложив палец к тонким выразительным губам и всем своим гладко выбритым лицом и изогнутыми бровями изображая мольбу и предупреждение. — Король еще поживает.

Собравшиеся перед дверями шепотом передали его слова от одного к другому. Говоривший, а им был месье Бонтам, главный королевский камердинер, дал знак начальнику караула проследовать за ним в оконную нишу, откуда тот только что вернулся.

— Доброе утро, капитан де Катинат, — произнес он со смесью фамильярности и уважения.

— Доброе утро, Бонтам. Хорошо ли король почивал?

— Великолепно.

— Однако же время вставать.

— Не совсем.

— Так вы его не станете сейчас будить?

— Через семь с половиной минут. — С этими словами камердинер извлек маленькие часы-луковицу, которым подчинялся человек, повелевающий двадцатью миллионами подданных. — Кто командует большим караулом?

— Майор де Бриссак.

— Сколько вы здесь пробудете?

— Я охраняю короля еще четыре часа.

— Прекрасно. Вчера вечером, когда он остался один после *petit coucher*¹, он велел передать указания дежурному офицеру. Он повелел мне сказать вам, что местье де Вивонн не допускается к *grand lever*². Вам надлежит это ему сообщить.

— Будет исполнено.

— Далее. Если вдруг принесут записочку от нее — вы меня понимаете, от новой...

— От мадам де Ментенон?

— Совершенно верно. Но благоразумней не называть имен. Так вот, если она пришлет записку, вам надлежит ее взять и при первой возможности незаметно передать королю.

— Будет исполнено.

— Но если явится другая, что вполне вероятно, — та, другая, вы понимаете, о ком я, бывшая...

— Мадам де Монтеспан.

¹ Малый вечерний выход (*фр.*).

² Большой утренний выход (*фр.*).

— Ах, капитан, вы по-солдатски прямолинейны! Если, как я сказал, она явится, вы вежливо преградите ей вход и обратитесь к ней в самых почтительных выражениях, вы понимаете, но ни в коем случае не позволите ей войти к королю.

— Хорошо, Бонтам.

— У нас осталось всего три минуты.

Он прошел сквозь быстро растущую толпу в коридоре с видом гордого смирения, как то и пристало слуге, который король среди слуг, будучи слугой короля. У самых дверей выстроились в ряд лакеи, являвшие великолепное зрелище в своих пудренных париках и красных плисовых ливреях с серебристыми аксельбантами.

— Здесь ли смотритель печей? — спросил Бонтам.

— Здесь, господин, — ответствовало указанное лицо, держащее в руках покрытый эмалью поднос с сосновыми щепками.

— Открывающий ставни?

— Здесь, господин.

— Убирающий со стола?

— Здесь, господин.

— Ждите, когда позовут. — С этими словами он снова нажал на ручку и скользнул в темную комнату.

То был большой квадратный покой с двумя высокими окнами напротив дверей, занавешенными бесценными бархатными портьерами. Сквозь зазоры между ними утреннее солнце пробивалось парой слабых лучей, которые расширялись, пересекая комнату, и ложились яркими пятнами на бледно-желтые обои. Широкое кресло стояло у потухшего очага под огромной каминной полкой из мрамора, задник которой уходил круто вверх, опоясанный и изукрашенный тысячу завитушек и геральдических эмблем, и сливался с богато расписанным потолком. Кушетка в углу с брошен-

ным пледом говорила о том, где провел ночь верный Бонтам.

Посреди покоя стояла огромная постель о четырех столбах; занавеси из гобеленов были собраны у изголовья и перехвачены петлями. Со всех сторон постель на расстоянии примерно в пять футов была обнесена полированными перильцами. Внутри огороженного места стоял круглый столик, покрытый белой салфеткой, а на ней серебряная тарелка с тремя крохотными ломтиками цыплячьей грудки и изукрашенный эмалью бокал с разбавленным фронтиньякским вином — на тот случай, если королю вдруг захочется ночью откусать.

Бесшумно пересекая покой по мягкому, как мох, ковру, в котором тонули ноги, Бонтам ощущал в воздухе тяжелый сонный дух и слышал редкое слабое дыхание спящего. Он прошел через оставленный в перильцах проход и застыл с часами в руке, ожидая наступления той минуты, когда неумолимый распорядок двора потребует разбудить монарха. На ложе чуть выше роскошного покрывала из зеленого блестящего шелка, наполовину ушедшая в пышные валансьенские кружева, которыми была обшита подушка, угадывалась круглая голова в черной щетине коротко подстриженных волос; на белизне наволочки проступал профиль человека с крючковатым носом и капризно оттопыренной губой. Камердинер щелкнул крышкой часов и склонился над спящим.

— Имею честь доложить вашему величеству, что времени половина девятого, — произнес он.

— А-а.

Король медленно поднял веки, открыв большие темно-карие глаза, перекрестился и приложился губами к маленькой черной ладанке со святыми мощами, которую вытащил из-под ночной рубашки. Затем

он уселся в постели и стал протирать глаза, собираясь с мыслями.

— Ты передал распоряжения начальнику караула, Бонтам? — спросил он.

— Да, сир.

— Кто сегодня командует?

— Большим караулом — майор де Бриссак, перед вашими покоем — капитан де Катинат.

— Де Катинат! Это тот молодой человек, кто остановил моего коня в Фонтенбло. Я его помню. Можно начинать, Бонтам.

Главный слуга быстрым шагом направился к дверям и настежь их распахнул. В спальню вбежали смотритель печей и трое слуг в красных ливреях и белых париках. Они сноровисто и бесшумно занялись каждый своим делом. Один схватил Бонтамову кушетку вместе с пледом и в мгновение ока выставил в переднюю; второй вынес тарелку, бокал и подсвечник; а третий тем временем раздвинул тяжелые портьеры тисненого бархата, и солнце хлынуло в комнату. Смотритель печей зажег в камине сосновые щепки, положил на них сверху, когда огонь принялся, крест-накрест два круглых полена, так как утро было прохладное, и удалился вместе с прочими слугами.

Не успели те выйти, как в опочивальню вошла более представительная компания. Впереди выступали двое. Один был молодой человек чуть старше двадцати, среднего роста, со склонностью к полноте, с неторопливыми, исполненными важности движениями, стройными ногами и довольно миловидным застывшим лицом, лишенным какого бы то ни было выражения, разве что в глазах у него порой пробегала озорная искра. Он был облачен в богатый наряд из темно-фиолетового бархата, грудь его пересекала широкая лента синего шелка, из-под которой выглядывал сверкающим

краешком орден Святого Людовика. Вторым был мужчина лет сорока, смуглый, внушительный и гордый, в простом, однако дорогом платье черного шелка с золотыми прорезями на воротнике и рукавах. Эта пара приблизилась к королю; все трое были довольно похожи, что говорило о кровном родстве и позволяло догадаться (если кто об этом не знал), что тот, кто постарше, — это Месье, младший брат короля, а молодой — это Людовик-дофин, единственное рожденное в браке дитя короля и наследник престола, каковой по неисповедимой прихоти Провидения ни ему, ни его собственным детям не суждено было занять.

Как ни сильно было сходство трех лиц, каждое с крючковатым бурбонским носом, большими глазами навывкате и толстой нижней губой дома Габсбургов, полученными в наследство от Анны Австрийской, их черты тем не менее являли изрядное различие нрава и характера. Королю шел уже сорок шестой год, его черные короткие волосы начинали редеть на макушке, а виски тронула седина. В нем, однако, многое сохранилось от былой юношеской красоты, облагороженной величием и суровостью, которые приумножались с ходом лет. Взгляд его темных глаз был выразителен, а четкие линии лица радовали скульптора и художника. Твердый и в то же время чувственный рот и густые дуги бровей придавали лицу вид могущественный и властный, тогда как свойственное его брату более мягкое выражение выдавало в нем человека, который всю жизнь только и делал, что почтительно держался в тени. У дофина же лицо, хотя и отличалось более правильными, чем у отца, чертами, было неспособно передать столь же богатую гамму чувств в минуты возбуждения, а в минуты покоя принимать выражение августейшей безмятежности, про которое кто-то из проницательных современников заметил, что Людовик, не будь он величайшим монархом в истории че-

ловчества, имел все необходимое, чтобы такового сыграть.

За сыном и братом короля следовала маленькая группа нотаблей и должностных лиц, которых на эту ежедневную церемонию призвали обязанности. Тут были главный королевский портной, первый смотритель опочивальни, а также герцог Менский, бледный юноша в черном бархатном костюме, сильно хромающий на левую ногу, и его младший брат, отрок граф Тулузский — незаконные сыновья короля от мадам де Монтеспан. Им на пятки наступал смотритель королевского гардероба, а уж за ним шли личный врач короля Фагон, придворный хирург Телье и трое пажей в алых с золотом ливреях, несущих королевский наряд. Таковы были участники семейного выхода, попасть на который почиталось при французском дворе величайшей честью.

Бонтам плеснул королю на руки несколько капель винного спирта, которые стекли в им же подставленное серебряное блюдо, а первый смотритель опочивальни поднес чашу со святой водой. Обмакнув в нее пальцы, король перекрестился и пробормотал хвалу Святому Духу; затем, кивнув брату и сказав несколько ласковых слов дофину и герцогу Менскому, перебросил ноги через край постели и сел, явив взорам длинную шелковую ночную рубашку, из-под которой выглядывали не достающие до пола маленькие ступни, — неподобающий вид для любого мужчины, но не для короля: чувство собственного достоинства так глубоко вошло в его плоть и кровь, что он не мог и помыслить, что при известных обстоятельствах может уронить это достоинство в глазах посторонних. Так он сидел, государь Франции, но раб ничтожного ветерка, ибо налетевший сквозняк заставил его вздрогнуть и поежиться. Благородный брадобрей господин де Сен-Кантен набросил на августейшие плечи пурпурный

халат и водрузил на голову пышно завитой парадный парик, а Бонтам тем временем натянул королю на ноги красные чулки и поставил на пол шлепанцы из расшитого бархата. Монарх сунул ноги в шлепанцы, завязал пояс халата, подошел к камину и уселся в кресло, протянув худые изящные руки к горящим поленьям. Вошедшие выстроились полукругом в ожидании предстоящего *grand lever*.

— Да что же это такое, господа? — спросил вдруг король, оглядывая их с обиженным видом. — Я чувствую запах духов. Не может быть, чтобы кто-то из вас посмел явиться надушенным, зная — а всем вам это должно быть известно, — как я не терплю ароматов.

Присутствующие переглянулись и все как один заявили, что не виноваты. Верный Бонтам, однако, крадучись проскользнул за их спины и обнаружил преступника.

— Ваша светлость, аромат исходит от вас, — сказал он графу Тулузскому.

Граф Тулузский, румяный подросток, залился краской.

— Простите, сир, но, может, это мадемуазель де Граммон брызнула мне на камзол из флакончика, когда мы вчера играли в Марли, — пролепетал он. — Я не заметил, но раз это вашему величеству неприятно...

— Прочь, прочь! — воскликнул король. — Фу! У меня комок в горле, я задыхаюсь! Бонтам, откройте нижнюю створку. Впрочем, нет, не надо, раз он вышел. Месье де Сен-Кантен, по-моему, мне сегодня положено бриться.

— Да, сир; все готово.

— Приступайте же! Мы и так задерживаемся на три минуты. За дело, сударь! А вы, Бонтам, объявите о начале *grand lever*.

Было ясно, что король не в лучшем расположении духа. Он вопросительно поглядывал на сыновей и на

брата, но, какие бы упреки или колкости ни вертелись у него на языке, их в зародыше заглушили старания неумолимого Сен-Кантена. С невозмутимостью, порожденной долгой привычкой, брадобрей покрыл августейшие щеки мыльной пеной, ловко провел по ним бритвой и приложил губку, смоченную в винном спирте. Другой дворянин помог королю натянуть короткие черные бархатные панталоны и расправил складки, а третий стянул с него через голову ночное одеяние и подал рубашку, которую грели у огня. Придворные благородных кровей, каждый из которых ревниво оберегал дарованную ему привилегию, по очереди застегнули на королевской особе туфли с алмазными пряжками, подвязки и алый жилет, а поверх последнего укрепили голубую ленту с украшенным алмазами крестом ордена Святого Духа и орден Святого Людовика на красной перевязи. Лицу, впервые попавшему на сей ритуал, могло показаться странным, что мужчина низкого роста стоит равнодушно и безучастно, задумчиво созерцая пылающие поленья, а вокруг него суетится группа людей с прославленными в истории именами, поправляя одно и разглаживая другое, словно стайка детишек вокруг любимой куклы. Был надет черный камзол, повязан нарядный кружевной галстук, одернут свободный сюртук, поднесены на эмалевом блюде и рассованы двумя придворными в два боковых кармана два носовых платка из драгоценных кружев, вручена слоновой кости с серебром трость — и монарх был снаряжен для дневных трудов.

За те полчаса или около того, что длился описанный ритуал, двери в спальню беспрерывно открывались и затворялись, капитан королевской гвардии шепотом сообщал дежурному служителю то или иное имя, а тот, в свою очередь, передавал это имя первому зрителю опочивальни, и в результате в комнате появлялось новое лицо. Каждый входящий отвеши-

вал, приветствуя государя, три глубоких поклона, а затем присоединялся к маленькой группе или кружку своих, чтобы вполголоса поболтать о новостях, о погоде и о планах на день. Число присутствующих не приметно росло, и к тому времени, как королю подали скромный ранний завтрак, состоящий из хлеба и вина пополам с водой, большой квадратный покой заполнила толпа людей, многие из которых споспешествовали превращению этой эпохи в самую блистательную за всю историю Франции. В непосредственной близости к монарху грубый, но неутомимый Лувуа, ставший всесильным после смерти его соперника Кольбера, обсуждал какие-то армейские дела с двумя военными, один из которых был высок и статен, тогда как другой на удивление мал — просто уродливый коротышка, однако он носил знаки отличия маршала Франции, а имя его наводило страх по ту сторону границы с Голландией, ибо на Люксембурга уже взирали как на преемника Конде; впрочем, и в его собеседнике Вобене тоже видели преемника Тюренна. Неподалеку от них низенький седой священник с добрым лицом, отец Лашез, духовник короля, шепотом излагал свое мнение о янсенизме тучному Боссюэ, красноречивому епископу Мо, и высокому, худому и юному аббату де Фенелону, который слушал, нахмутив чело, ибо при дворе подозревали, что его собственные взгляды не избежали воздействия той самой ереси, о которой шла речь. Тут же и художник Лебрю беседовал об искусстве в кругу своих коллег Веррио и Лагерра, архитекторов Блонделя и Ленотра и скульпторов Жирардона, Пуже, Дежардена и Куазевокса, чьи работы изрядно украсили новый королевский дворец. У самых дверей Расин, расплывшись в улыбке, так что красивое его лицо лучилось морщинками, болтал с поэтом Буало и архитектором Мансаром; все трое смеялись и перебрасывались шутками с раскованностью, свойственной

королевским любимцам, единственным подданным, кто мог запросто, без доклада, входить в королевские покои.

— Что это он сегодня не в духе? — шепотом спросил Буало, кивнув в сторону короля и его ближайшего окружения. — Боюсь, сон не поднял его настроения.

— Развлекать его становится все труднее, — заметил Расин, покачав головой. — В три часа мне надлежит быть у мадам де Ментенон. Посмотрим, не исправят ли положение две-три страницы из «Федры».

— Друг мой, — сказал архитектор, — не кажется ли вам, что сама мадам утешит его скорее, чем ваша «Федра»?

— Мадам — удивительная женщина. Умна, сердечна и исполнена такта — она восхитительна.

— И тем не менее одно из ее достоинств излишне.

— Какое же?

— Возраст.

— Оставьте! Кто станет считать ее годы, если выглядит она на тридцать? Какие глаза! Какие руки! И потом, друзья мои, он и сам уже не мальчик.

— Ну, это совсем другое дело.

— Для мужчины возраст — пустяк, для женщины — катастрофа.

— Весьма справедливо. Но юноша видит, а зрелый муж слышит. За сорок верх берут мудрые речи, до сорока — красивое личико.

— Ах, мошенник! Значит, вы решили, что сорок пять лет во всеоружии такта одолеют тридцать девять во всеоружии красоты? Что ж, когда ваша дама одержит победу, она, несомненно, не забудет, кто первый воздал ей должное.

— А я думаю, Расин, что вы ошибаетесь.

— Посмотрим.

— А если вы ошибаетесь...

— Что тогда?

- Тогда вас могут ожидать неприятности.
- Почему?
- У маркизы де Монтеспан хорошая память.
- Ее влиянию скоро может прийти конец.
- Не стоит так уж полагаться на это, мой друг. Ко-

гда Фонтанж, голубоглазая и медноволосая, явилась из своего Прованса, все в один голос твердили, что звезда Монтеспан закатилась. Однако Фонтанж покоится в церковном склепе, и над ней шесть футов земли, а маркиза на прошлой неделе провела два часа с королем. Она победила однажды, может победить снова.

— Да, но теперь соперница не чета прежним. Это вам не миленькая селяночка, но умнейшая женщина Франции.

— Фи, Расин, вы хорошо знаете нашего обожаемого властелина или хотя бы должны его знать — ведь он, кажется, приблизил вас еще со времен Фронды. Сами подумайте — тот ли он человек, чтобы всю жизнь развлекаться проповедями или дни напролет просиживать у ног дамы ее лет, наблюдая, как она ткет гобелен, и забавляясь с ее пуделем, когда красивейших мордашек и сияющих глазок в высшем обществе что у голландца тюльпанов на клумбе? Нет-нет, это будет все та же Монтеспан, а если не она, то какая-нибудь красавица помоложе.

— Милейший Буало, еще раз скажу вам — ее время на исходе. Разве до вас не дошла последняя новость?

- Ни намеком.
- Ее брату, господину де Вивонну, отказано в ent-
gée¹.
- Быть не может!
- Тем не менее это правда.
- И когда?

¹ Здесь: допуск к королевской персоне (*фр.*).

— Нынче утром.
— Кто вам сказал?
— Де Катинат, капитан гвардейцев. Ему приказано не пускать де Вивонна.

— Однако! Значит, король серьезно решил дать ей отставку. Так вот почему он сегодня встал такой мрачный. Но клянусь всеми святыми, если у маркизы и вправду такой характер, какой ей приписывает молва, он, чего доброго, еще убедится, что завоевать ее было легче, чем от нее избавиться.

— Справедливо. С Мортемарами не так-то просто иметь дело.

— Что ж, да помогут ему Небеса благополучно из этого выпутаться! Но кто вон тот господин? Лицо у него посуровей тех, какие привыкли видеть при дворе. Ага! Он попался королю на глаза, и Лувуа дал ему знак подойти. Клянусь всеми святыми, под сводом палатки ему было бы куда свободней, чем под расписным потолком.

Привлекший внимание Расина незнакомец был высок и худ, с большим орлиным носом, суровым взглядом пронзительных серых глаз, прячущихся под кустистыми бровями, и лицом, настолько изборожденным заботами, годами и непогодой, что среди чопорных лиц придворных оно сразу бросалось в глаза; он напоминал старого ястреба, посаженного в клетку с попугаями. Его одежда была темных тонов, как стало принято при дворе с тех пор, как король отказался от легкомыслия и Фонтанж, но шпага, висящая у него на поясе, была отнюдь не раззолоченной рапирой, а добрым клинком с эфесом из желтой меди в потрепанных кожаных ножнах, которые красноречиво свидетельствовали об усердной службе. Он стоял у дверей, держа в руке касторовую шляпу с черным пером, и с любопытством, хотя и не без презрения, поглядывал на собравшихся в кучки болтунов; по знаку военного министра он на-

чал пробираться вперед, работая локтями и довольно бесцеремонно расталкивая стоящих у него на пути.

Людовик был наделен поистине королевской памятью на лица.

— Я не видел его долгие годы, но хорошо помню этого господина, — произнес он, обращаясь к министру. — Граф де Фронтенак, не так ли?

— Да, сир, — ответил Лувуа, — это действительно Луи де Бюад, граф де Фронтенак, прежний губернатор Канады.

— Мы рады снова увидеть вас на нашем *lever*, — произнес монарх, пока дворянин, склонив голову, прикладывался к протянутой для поцелуя белой руке. — Надеюсь, канадские холода не остудили вашей верности.

— На это, сир, холода достанет у одной только смерти.

— В таком случае будем надеяться, что ваша верность пребудет с нами еще долгие годы. Нам угодно поблагодарить вас за труды и заботы по управлению нашими владениями; если мы вас и призвали сюда, то главным образом потому, что охотно послушаем из ваших уст о том, как обстоят там дела. Прежде всего, благо заботы Отца Небесного важнее забот Франции, как идет обращение язычников?

— Грех жаловаться, сир. Святые отцы, иезуиты и капуцины, трудятся по мере сил, хотя и те и другие склонны несколько пренебрегать заботами духовными, погрязая в заботах мирских.

— Что вы на это скажете, отец? — обратился Людовик к своему духовнику-иезуиту, причем в глазах его мелькнул озорной огонек.

— Скажу, сир, что коль скоро заботы мирские имеют касательство к заботам духовным, то заняться ими — долг доброго пастыря, как и вообще доброго католика.

— Воистину так, сир, — произнес де Фронтенак, однако его смуглые щеки покрыл гневный румянец, — но, пока ваше величество оказывает мне честь, вверяя эти заботы моему разумению, я буду исполнять свой долг и никому не дам вмешиваться, ни мирянину, ни монаху.

— Довольно, сударь, довольно! — резко сказал Людовик. — Я вас спросил о миссиях.

— Они процветают, сир. Ирокезы в Су и в горах, гуроны в Лоретте и алгонкины вдоль всей реки от Тадусака на востоке до Су-ла-Мари и даже дакоты на великих равнинах — все теперь почитают крест. Маркетт спустился вниз по реке на запад проповедовать иллинойсам, а иезуиты принесли Евангелие даже в вигвамы племени Большого Дома у озера Онондога.

— Могу добавить, ваше величество, — сказал отец Лашез, — что, неся туда истину, они слишком часто оставляли с нею и свои жизни.

— Да, сир, это сущая правда, — с чувством воскликнул де Фронтенак. — Во владениях вашего величества много храбрецов, но других таких нет. Они возвращались по реке Ришелье из ирокезских селений без ногтей, со сломанными пальцами, углем на месте глаза, а тела их бывали усеяны шрамами от сосновых заноз так же густо, как вон та занавеска — лилиями.

— И вы с этим смирились? — гневно воскликнул Людовик. — Вы не караете смертью гнусных убийц?

— Я просил прислать войско, сир.

— Я посылал.

— Всего один полк.

— Кариньян-Салиерский. Мой отборный полк.

— Требуется больше, сир.

— А сами канадцы? Разве у вас нет народного ополчения? Неужели вы не могли собрать достаточно сил наказать этих мерзавцев, убивших Господних служителей? Я полагал, что вы настоящий воин.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Скороденко, Г. Злобин. Предисловие</i>	5
--	---

ИЗГНАННИКИ

Повесть о двух частях света

Предуведомление	19
-----------------------	----

Часть первая СТАРЫЙ СВЕТ

Глава I. Гость из Америки	21
Глава II. Монарх в дезабилье	30
Глава III. Страж у дверей	48
Глава IV. Отец своих подданных	56
Глава V. Сыны Велиара	66
Глава VI. Дом раздора	75
Глава VII. Новый Свет и Старый Свет	90
Глава VIII. Восходящее солнце	101
Глава IX. Le Roi s'amuse	107
Глава X. Затмение в Версале	121
Глава XI. Солнце выходит из тени	132
Глава XII. Король принимает	144
Глава XIII. Короля озаряет	155
Глава XIV. Последняя карта	161
Глава XV. Полуночное поручение	167
Глава XVI. «Когда черт погоняет...»	174

Глава XVII. Темница Портильяка	181
Глава XVIII. Ночь неожиданностей	189
Глава XIX. В кабинете у короля	200
Глава XX. Две Франсуазы	213
Глава XXI. Кто был в карете	223
Глава XXII. Эшафот в Портильяке	232
Глава XXIII. Падение Катинатов	238

Часть вторая НОВЫЙ СВЕТ

Глава XXIV. Отплытие «Золотого жезла»	253
Глава XXV. Лодка с мертвецами	264
Глава XXVI. Последняя пристань	272
Глава XXVII. Тающий остров	282
Глава XXVIII. В водах Квебека	286
Глава XXIX. Голос у иллюминатора	295
Глава XXX. Внутренние воды	306
Глава XXXI. Человек с голым черепом	314
Глава XXXII. Хозяин Сент-Мари	324
Глава XXXIII. Конец Бурого Лося	336
Глава XXXIV. Жаждающие крови	354
Глава XXXV. Смерть стучит в дверь	362
Глава XXXVI. Взятие палисада	369
Глава XXXVII. Появление францисканца	378
Глава XXXVIII. В зале усадьбы Сент-Мари	387
Глава XXXIX. Два пловца	394
Глава XL. Заключительная	398
Пояснения	409

Дойл А. К.

Д 62 Изгнанники : Повесть о двух частях света : роман / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. Г. Злобина, В. Скороденко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11336-7

Крупнейший английский писатель, тонкий мыслитель, общественный деятель, публицист, доктор медицины и доктор права сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного и приключенческого жанров. Его исторический роман «Изгнанники» считается эталоном приключенческой литературы, наравне с лучшими книгами Александра Дюма, Вальтера Скотта и Фенимора Купера. Действие романа происходит в эпоху правления Людовика XIV. Первая часть посвящена дворцовым интригам, в центре которых тайное поручение короля, мечтающего о браке с самой умной женщиной Франции, госпожой де Ментенон. Вторая часть повествует о невероятных приключениях в дебрях загадочной Америки, куда главные герои, исполнив волю короля, вынуждены бежать от карающей руки закона.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ИЗГНАННИКИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Сергей Брылев, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.05.2016. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAKB1936501R